

Н. Н. Баранов, О. С. Поршнева
**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
 И ПАМЯТЬ О НЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
 АКТУАЛЬНАЯ АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-25-35

УДК 930.2(410)

ББК 63.1(4Вел)52

Первая мировая война — единственная, имеющая в английском языке наименование «Великая». Это обстоятельство подчеркивает ее непреходящее значение для британской духовной, политической и повседневной культуры. Концептуализация исторических событий как акт формирования культурной памяти, форма представления обществу значимого прошлого, его культурного наследия рассматривается нами на основе методологии *memory studies* и *heritage studies*, а также его нового направления — *critical heritage studies*. В рамках последнего культурное наследие трактуется как процесс постоянного переосмысления и переопределения культурных ценностей прошлого, в который включены разные социальные акторы. Влиятельными участниками данного процесса являются исследователи: культурологи, историки, литературоведы, социологи, которые не только воздействуют на коллективные представления о событиях прошлого, но и интерпретируют их значимость для общества. В этой связи из гигантского массива англоязычных трудов, посвященных мемориализации Великой войны, выделяются те, которые рассматривают взаимодействие различных форм памяти и их влияние на эволюцию коллективной памяти британцев, созданы в русле исторической науки о культуре и отличаются выраженным историко-антропологическим подходом. Авторы статьи выделяют несколько концептуально различных направлений в разработке проблематики культурного наследия войны и памяти о ней, анализируют достижения в компаративном исследовании образа войны и его эволюции в культурной памяти британцев, изучении взаимодействия официальной и популярной, коллективной и индивидуальной форм памяти о войне, сходств и различий британской и зарубежных традиций памяти, интерпретируют значение ревизионистского направления историографии в изменении представлений о наследии Великой войны.

Ключевые слова: *Великобритания, Первая мировая война, историография, историческая память, культурное наследие*

Исторические науки, как верно отметил Ш. Бергер, остаются глубоко вовлеченными в производство памяти и влияют на то, какой именно тип коллективной памяти формируется в публичной сфере.¹

Современная историография участия Великобритании в Первой мировой войне в значительной степени концентрируется на проб-

лемах культурного наследия войны и памяти о конфликте, что наглядно демонстрирует «мнемонический поворот» в изучении его опыта.² Исследователи анализируют последствия массовых утрат, психологических и эмоциональных сдвигов, вызванных войной, стимулированные ею художественные движения и мемориальные практики.³

При этом различия в методологических пристрастиях и оценочных суждениях формируют напряженное исследовательское поле и способствуют плодотворным историографическим дискуссиям. Можно выделить три крупных историографических направления, в рамках которых принципиально различно

¹ См.: Бергер Ш. Идеи в истории, философии и религии: исторические науки и активизация памяти в XX в. // TEMPUS ET MEMORIA. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 9.

Баранов Николай Николаевич — д.и.н., заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: baranovb1@mail.ru

Поршнева Ольга Сергеевна — д.и.н., заведующая кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: porshneva@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях» (рук. О. С. Поршнева)

² См.: Heathorn S. The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War // The Historical Journal. 2005. № 48 (4). P. 1103–1124.

³ См.: Fussell P. The Great War and Modern Memory. London; New York, 1975; Leed E. J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. London; New York; Toronto; Sydney; Auckland, 1989; Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London, 1990; Robb G. British culture and the First World War. New York, 2002.

интерпретируется влияние войны на европейскую культуру в целом и культуру памяти в частности.

Представители первого подхода рассматривают Первую мировую войну как рубеж между традицией и модерном. Такой взгляд представлен в широко известной работе П. Фассела «Великая война и современная память».⁴ Фассел считает, что война сыграла решающую роль в разрушении культурных традиций довоенного периода. Хотя война напрямую не вела к формированию современного общества, она создала условия для расцвета модернизма, подорвав авторитет старого порядка.

М. Экштейнс в монографии «Обряды весны: Великая война и рождение современной эпохи» рассматривает Великую войну скорее как продукт модернизма, а не его причину, но признает за ней важное свойство четкой границы между культурными эпохами.⁵ Кроме того, он указывает на фактор преемственности, а не на бунт и протест в модернизме. Оба этих подхода подчеркивают вызванный войной конфликт с моралью викторианской эпохи.

Тема столкновения культур является центральной в работе С. Хайнса «Воображаемая война. Первая мировая война и английская культура».⁶ Автор исследует способы восприятия войны как комбатантами, так и нонкомбатантами, подчеркивает как преемственность, так и перемены, указывая на модернистские элементы в культуре до 1914 г. и сохранение старых культурных форм после 1918 г. Война, в его трактовке, хоть и не является единственным двигателем перемен, но оказывается решающим фактором нового восприятия мира.

Дж. Мосс интерпретирует войну как решающий фактор формирования массового общества и возникновения диктаторских режимов. В его книге «Павшие солдаты. Меняя память о мировых войнах» Первая мировая война становится отправным пунктом на пути к Холокосту.⁷ Мосс рассматривает Первую мировую войну как момент проявления крайних форм националистической традиции. Официальные воспоминания о войне проявлялись в двух основных формах — сакрализации и китча.⁸ Искусственная память о войне в целом служила интересам крайне правых националистиче-

ских сил, для которых этот дискурс был чрезвычайно благоприятным.

Выводам Мосса противопоставляет свою точку зрения Б. Бушавей в монографии «По обряду. Обычай, церемония и общество в Англии».⁹ Он также рассматривает военную память как важный элемент межвоенной политической жизни. Однако если Мосс подчеркивает преимущества памяти о войне для наиболее радикальных и крайне правых сил, то Бушавей утверждает, что она работала на интеграцию, была полезна для предотвращения политической поляризации и, следовательно, играла на руку умеренным консерваторам. Позиции обоих авторов представляются спорными. Память о войне не может естественным образом привести к крайнему национализму в Италии и Германии и в то же время к политической умеренности в Соединенном Королевстве. Конечно, можно возразить, что в первых двух случаях речь идет о тех, кто проиграл и кто воспринимал себя как проигравших в стане победителей, а во втором случае речь идет о безусловном победителе.

Указанные противоречия могут быть преодолены в рамках третьего подхода к изучению памяти о войне, который условно можно назвать контекстуальным. Так, Ч. Кимбал в диссертации о бывших военнослужащих уделяет пристальное внимание контексту, в котором формировалась память о войне.¹⁰ С этой целью автор исследовал отношения внутри местных отделений Британского легиона и пришел к выводу, что опыт войны был опосредован предыдущим опытом гражданской жизни и идеологической обработки. Британский легион в деревне имел тенденцию в большей степени отражать традиционные консервативные и иерархические ценности. В городских районах с выраженной социально-политической поляризацией имели место открытые столкновения левых и консервативных ветеранов. В любом случае выводы Кимбала принципиально отличаются от постулируемого Моссом наследия войны как воинствующего национализма или представленного Бушавеем умеренно-консервативного статус-кво.

Другим образцом контекстуального подхода является книга Р. Уолена «Горькие раны: немецкие жертвы Великой войны 1914–1939».¹¹

⁴ Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015.

⁵ Eksteins M. Op. cit.

⁶ Hynes S. A Op. cit.

⁷ См.: Mosse G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990.

⁸ См.: Ibid. P. 96, 97.

⁹ Bushaway B. By Rite: Custom, Ceremony and Community in England 1700–1880. London, 2011.

¹⁰ См.: Kimball Ch. The Ex-Service Movement in England and Wales, 1916–1930. Diss. Stanford University, 1990.

¹¹ Whalen R. W. Bitter Wounds. German Victims of the Great War, 1914–1939. London, 1984.

Обращаясь к истории обществ инвалидов, Уолен придает одинаковое значение как военному опыту, так и тем травмам, которые были нанесены политическими и экономическими потрясениями, последовавшими за войной. Чтобы оправдать массовую смерть и в равной степени массовые убийства, было необходимо превозносить защищаемые ценности, будь то немецкая «культура» или британская «цивилизация». Война в этом смысле имела решающее значение для формирования и укрепления национальной идентичности.

При выраженных различиях в оценочных суждениях и высказываниях дискуссионного характера все авторы подчеркивают преемственность в репрезентациях культурного смысла Великой войны как выражения национальных ценностей, как это было в предшествующие эпохи, и в то же время признают специфические условия формирования мемориальных традиций в межвоенный период.

П. Фассел, М. Экштейнс, С. Хайнс рассматривают память о войне в контексте проблемы преемственности и разрыва в европейской культурной традиции, формирования культуры модернистской и ее репрезентаций, по-разному, как уже отмечалось, оценивая роль Великой войны в этом процессе. Названные авторы интерпретировали преимущественно формы высокой культуры, деятельность художников и интеллектуалов. Это и понятно, ведь Фасселл и Хайнс — литературные критики по образованию, Экштейнс — историк культуры в традиционном смысле. Все трое обращаются к массовой культуре, но она в их работах выступает только фоном для обсуждения более значимых событий.

В свою очередь, Дж. Уинтер исследовал общие для элитарной/официальной и популярной культур формы памяти и практики коммемораций.¹² Столкновение с массовыми смертями обусловило, как показал Уинтер, выход за рамки различий между высокой и низкой культурами, традицией и современностью.¹³

Тема получила дальнейшее развитие в масштабном коллективном труде «Британская массовая культура и Первая мировая война» под редакцией Дж. Мейер,¹⁴ где главный ак-

цент сделан на самых разнообразных формах культурной памяти — от места фронтовой пищи в воспоминаниях рядовых солдат до образов войны в жанре альтернативной истории.

Дж. Уинтер в компаративном ключе исследовал европейскую мемориальную культуру, порожденную Великой войной, уделив значительное внимание британской культуре памяти. В русле сравнительной интеллектуальной истории он поставил вопрос: почему образный язык, на котором большинство британских интеллектуалов, писателей и художников обращались к Великой войне, принципиально отличался от языка, использовавшегося их французскими коллегами?¹⁵ Уинтер говорит не просто о несхожести двух мемориальных культур, но о когнитивном диссонансе, вызванном британскими и французскими представлениями о Великой войне, различия между которыми сохраняются, по его мнению, до наших дней. Войну, которую пережили эти два союзника, пишет Уинтер, они не разделяли в плане воображения.¹⁶

Различия в британской и французской мемориальных культурах объяснялись целым рядом факторов, в том числе тем, что война велась на территории Франции, а также разной ролью ветеранов в послевоенном обществе. Доля бывших солдат, присоединившихся к сообществам ветеранов, во Франции была в четыре раза выше, чем в Великобритании. В отличие от Франции, отмечает автор, опыт ветеранов не стал в Великобритании центральным элементом послевоенного политического дискурса.¹⁷

Уинтер солидаризуется с П. Фасселом в том, что основанием для создания канона военной литературы в Великобритании стала ирония, которую «превозносили» британские интеллектуалы. Этот акцент на иронии, считает автор, лежит в основе английской военной поэзии и военных мемуаров двух послевоенных десятилетий.¹⁸ Иронический стиль мемориальных нарративов был тесно связан с британской интеллектуальной традицией рубежа XIX–XX вв., а также с отношением к войне как к спорту, игре.¹⁹ Большинство британских

¹² См.: Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge, 1996; Winter J. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven; London, 2006.

¹³ См.: Winter J. Sites of Memory. P. 2–5.

¹⁴ British Popular Culture and the First World War. Leiden; Boston, 2008.

¹⁵ См.: Winter J. Remembering War. P. 118.

¹⁶ См.: Ibid. P. 119.

¹⁷ См.: Ibid. P. 133.

¹⁸ См.: Ibid.

¹⁹ См.: Ibid. P. 121–124; Хмелевская Ю. Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии, 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. С. 18, 19.

мемуаристов полагало, пишет Уинтер, что если вначале война была игрой по правилам и что-то значила, то в итоге не значила ничего, так как «кто-то порвал книгу правил».²⁰ Однако в ходе самой войны, как показала Ю. Ю. Хмелевская, моральный дух британской армии оставался достаточно стабильным.²¹ Несмотря на то что представители разных социальных и профессиональных групп в составе британской армии руководствовались разными мотивами и вели «свою войну», как отмечает Уотсон,²² ценности «честной игры», стойкость к физическим лишениям, способность сохранять юмор в трудной ситуации, гражданский милитаризм выступили важными чертами их поведения и факторами стоического терпения и способности к повседневной рутинной работе на фронте.²³ Говоря об изменениях в морально-психологическом самочувствии британских солдат по мере затягивания войны, И. В. Смирнова отмечает, что «юмор постепенно становился все более черным по мере того, как солдаты становились все более циничными», а на смену религиозным чувствам приходил фатализм.²⁴

Другим важным сюжетом в сравнительном изучении британской мемориальной культуры и политики памяти стало выявление их общих черт и различий в Великобритании и других частях Британской империи, а впоследствии Содружества. Авторы показали характер различий в культуре памяти, связав их с влиянием войны на становление национальных идентичностей и национальных государств в бывших доминионах, показав в то же время, что именно память о войнах 1914–1918 и 1939–1945 гг. создала узы, связывающие сообщества бывшей империи общей историей.²⁵

На основе изучения политики памяти и исторической памяти о Великой войне в раз-

ных частях Соединенного Королевства авторы доказали, что отдельные национальные и территориальные сообщества по-разному обращались со своими погибшими и по-разному оценивали политические последствия их жертвы.²⁶ Исследование Дж. Мурхауса, посвященное памяти о Первой мировой войне в городе Бьюри, говорит о том, что во всех разнообразных публичных формах коммемораций воплощалась память, сохранившаяся на семейном и личном уровне, которая часто противоречила официальной риторике о войне.²⁷

А. Кинг в докторской диссертации (1993)²⁸ и вышедшей на ее основе в 1998 г. монографии²⁹ реализовал задачу реконструкции мемориальной активности акторов гражданского общества и местных политических институтов. Кинг показал, что коммеморации были проявлением не только скорби по погибшим в войне и имели отношение не только к этому феномену. Они, как обоснованно утверждает автор, содержали дидактическую цель, вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся в понятиях, связывавших их с идеалами гражданства, утвержденными подвигом павших. Однако, как подчеркивает Кинг, что именно коммеморации должны были означать для общества, было предметом политических дебатов. Установился консенсус по поводу того, что память о мертвых должна быть священной, но вопрос, как их подвиг должен быть понят, был открыт для различных интерпретаций. Различия выражались в пристрастном придании разными акторами значений символам мемориалов и церемоний. Автор показал инструментализацию опыта войны: задача прославления павших давала возможность приверженцам различных политических, социальных, религиозных групп для продвижения своих интересов настолько, насколько они могли сформулировать их как размышления о войне и ее последствиях.³⁰

²⁰ Winter J. *Remembering War*. P. 125.

²¹ См.: Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч.

²² См.: Watson J. *Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain*. Cambridge, 2004.

²³ См.: Хмелевская Ю. Ю. Указ. соч. С. 20–26; Смирнова И. В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 24.

²⁴ См.: Смирнова И. В. Указ. соч. С. 23.

²⁵ См.: Thomson A. *ANZAC Memories: Living with the Legend*. Oxford, 1994; Vance J. *Death so Noble: Memory, Meaning and the First World War*. Vancouver, 1997; Inglis K. *Sacred Places: War Memorials in the Australian landscape*. Melbourne, 2008; Damousi J. *The Labour of Loss: Mourning, Memory and Wartime Bereavement in Australia*. Oxford, 1999; Jeffrey K. *Ireland and the Great War*. Cambridge, 2000; *History and Memory in Modern Ireland*. Cambridge, 2001; Winter J. *Remembering War*. P. 154–180.

²⁶ См.: Gaffney A. *Aftermath: remembering the Great War in Wales*. Cardiff, 1998; Switzer C. *Unionists and Great War Commemoration in the North of Ireland, 1914–1939: People, Places and Politics*. Dublin, 2007; Donaldson P. *Ritual and Remembrance: the Memorialisation of the Great War in East Kent*. Cambridge, 2006.

²⁷ См.: Moorhouse G. *Hell's Foundations: A Town, Its Myths and Gallipoli*. London, 1992.

²⁸ См.: King A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939*. Diss. University of London, 1993.

²⁹ См.: King A. *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford, 1998.

³⁰ См.: Ibid. P. 3, 4.

Ряд исследований реконструируют способы, с помощью которых население Великобритании пыталось осмыслить опыт утрат и получить психологическое исцеление после войны. Одним из них, ставшим распространенной практикой, является паломничество на поля сражений, превратившееся в важный коммеморативный ритуал.³¹ Масштабность паломничества определяется не только огромной численностью погибших,³² но и решением правительства Великобритании 1915 г. не репатриировать тела на родину.³³ Дэвид Ллойд исследовал паломничество и туризм на поля сражений в Великобритании, Австралии и Канаде в межвоенный период на основе концепции культурной истории, в фокусе которой для него был индивидуальный опыт людей, ставших жертвами войны.³⁴ Автор рассматривает туризм и паломничество как смесь высокой и низкой культур, традиционного и современного, священного и мирского. При этом взаимодействие сакрального и профанного, по мнению автора, было ключевой чертой этих практик.³⁵ Послевоенный туризм на поля сражений говорил о продолжающемся присутствии войны в жизни ее жертв.³⁶ Брэд Вест анализирует современную туристическую мемориализацию, доказывая, что она может быть понята как форма приобщения обществ к национальной истории и культурному наследию, когда привязанности к прошлому исчезают.³⁷ Внимание исследователей к туристическому паломничеству отражает два взаимосвязанных процесса в современных коммеморативных практиках: растущее недоверие к традиционным мемориальным жанрам и рост «мрачного/темного» туризма к местам смерти и трагедий, которые превращают историю в спектакль.³⁸

Физические объекты, места юбилейных ритуалов и паломничества подвергаются тщательному изучению на волне мнемонического поворота. Мемориалы Великой войны примечательны большим количеством построенных монументов — намного большим, чем в память о любом другом конфликте. Сооружение и использование памятников Великой войны в Великобритании способствовало созданию основных образцов военных коммемораций в XX в., как с точки зрения схемы действий, которые они предписывали, так и с точки зрения смысла, который они выражали.³⁹ По мнению П. Дональдсона, именно монументы были теми ключевыми комбинированными объектами, которые соединяли публичную и частную память о войне.⁴⁰ Более 50 тысяч военных мемориалов, установленных в Британии за два десятилетия после Великой войны, были посвящены «славному мертвым» и украшены призывами помнить их и их жертву, а не праздновать победу,⁴¹ что еще раз свидетельствует о доминирующем восприятии войны как Трагедии, а не Триумфа. Эти мемориалы представляют собой самые большие художественные проекты местных сообществ, которые когда-либо были реализованы.⁴² В исследованиях последних десятилетий реконструировалась история создания мемориалов Великой войны, выяснялось, каков был их первоначальный смысл, а также как менялось с течением времени их общественное значение.⁴³ А. Кинг наиболее убедительно показал, как на самом деле создавались местные монументы, кто им покровительствовал, как собирались средства для мемориалов, как действовали организационные комитеты на уровне деревни и округа.⁴⁴

Изучение мемориалов связано с исследованием главного коммеморативного события — Дня перемирия, в ходе которого проходили церемонии, связанные с памятью о Великой войне. Этот день до сих пор остается важным элементом политической культуры и ключевым

³¹ См.: Lloyd D. Battlefield Tourism: Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Britain, Australia and Canada, 1919–1939. Oxford, 1998; West B. Dialogical Memorialization, International Travel and the Public Sphere: A Cultural Sociology of Commemoration and Tourism at the First World War Gallipoli Battlefields // Tourist Studies. 2010. № 10 (3). P. 209–225.

³² Всего в Британской империи насчитывалось 947 023 погибших в Первую мировую войну, из них на Великобританию приходилось 744 702. См.: Sheffield G. Forgotten Victory: the First World War: Myths and Realities. London, 2001. P. 6.

³³ См.: Donaldson P. Op. cit. P. 8.

³⁴ См.: Lloyd D. Op. cit. P. 2.

³⁵ См.: Ibid. P. 7.

³⁶ См.: Ibid. P. 2.

³⁷ См.: West B. Op. cit. P. 210.

³⁸ См.: Lennon J., Foley M. Dark Tourism: The Attraction of Death and Disaster. London, 2007; Sturken M. Tourists of History: Memory, Kitsch, and Consumerism from Oklahoma City to Ground Zero. Durham, N. C., 2007.

³⁹ См.: King A. Memorials of the Great War. P. 2.

⁴⁰ См.: Donaldson P. Op. cit. P. 3, 4.

⁴¹ См.: Moriarty C. Private Grief and Public Remembrance: British First World War Memorials // War and Memory in the Twentieth Century. Oxford, 1997. P. 137.

⁴² См.: Borg A. War Memorials from Antiquity to the Present. London, 1991. P. IX.

⁴³ См.: Moriarty C. Christian Iconography and First World War Memorials // Imperial War Museum Review. 1991. № 6. P. 63–75; Moriarty C. Private Grief and Public Remembrance; King A. Memorials of the Great War; Connolly M. The Great War: Memory and Ritual Commemoration in the City and East London, 1916–1939. Rochester; New York, 2002.

⁴⁴ См.: King A. Memorials of the Great War.

символом идентичности британцев и многих других народов Содружества. Тем более удивительно, что до сих пор история этого мемориального события в его разнообразных политических, символических и эмоциональных аспектах остается практически не изученной. Только в 2018 г. Г. Катбертсон выпустил книгу «Наконец-то мир», в которой стремился «раскрыть интересный, значимый в просветительском и культурном смысле ключевой момент в истории» — последний день Первой мировой войны и первый день мира, когда слезы и смех благословенного облегчения ознаменовали конец величайшей на тот момент катастрофы в европейской истории.⁴⁵ В значительной степени эта монография является непрямым, но закономерным продолжением предыдущей книги автора — вышедшей в 2014 г. биографии Уилфреда Оуэна — поэта-фронтовика, погибшего во Франции в последнюю неделю боев, родители которого узнали об этой трагедии как раз в день заключения перемирия. Символично, что обе книги вышли в юбилейные годы — 100-летия начала и окончания Первой мировой войны.

Важным достижением современной историографии стала реконструкция образов Великой войны в коллективной памяти британцев и исследование эволюции восприятия конфликта от межвоенного периода к послевоенному и современному. Обоснованным положением историографии стал вывод о том, что благодаря литературе, созданной ветеранами, в межвоенный период утвердилось восприятие Великой войны как коллективной работы, прежде всего работы на передовой.⁴⁶ Это была «траншейная литература», появившаяся в конце 1920 — начале 1930-х гг., созданная преимущественно младшими офицерами, положившая начало мифу о «разочарованных комбатантах», определившему на десятилетия доминирующий британский нарратив о Великой войне. При этом практически все авторы прямо или косвенно признают, что этот взгляд был скорее следствием разочарований мирного времени, чем самого военного опыта, результатом адаптации воспоминаний к социальным и политическим реалиям 1920 и 1930 гг.⁴⁷

Ставя под сомнение выводы П. Фассела и Дж. Уинтера, говоривших об иронии как определяющем «английском стиле» воспоминаний о войне, С. Хиторн, ссылаясь на результаты ряда новейших исследований, называет ее одной из «представительных троп», в то время как доминирующим мнемоническим сюжетом Великой войны, по его мнению, была Трагедия. Постулируя актуальность изучения массовых, а не только элитарных представлений о войне, он отмечает необходимость «пойти дальше намерений художников и интеллектуалов, чтобы посмотреть, как образы конфликта были восприняты и поняты населением в целом».⁴⁸

Различные аспекты ментальной и физической мемориализации Первой мировой войны в контексте процессов формирования и эволюции национальных идентичностей на материале Британии, стран Содружества и США анализировались в рамках большого исследовательского проекта “War (Hi)Stories”. Второй том серии из девяти книг посвящен отражению войны в художественном творчестве («Рождение нации: театральные интерпретации наследия Великой войны и идея национальной идентичности Канады»), третий — военным мемориалам.⁴⁹

Выдающимся образцом исследования в русле «устной истории» является труд М. Артура «Мы будем помнить их: голоса после окончания сражений Великой войны». Сборник содержит воспоминания 96 человек, большей частью записанных с их слов лично автором. После смерти Г. Аллингема и Г. Патча в 2009 г. в Британии не осталось в живых ветеранов. Задачей автора было изучить воспоминания не о самой войне, но о ее ближайших последствиях. Он пишет: «Стало аксиомой говорить о разочаровании демобилизованного солдата, возвращающегося на родину с войны героем только для того, чтобы найти безработицу, бедность и равнодушие... Из самых мрачных обстоятельств люди нашли в себе силы восстановить свои дома, свои семьи и свою трудовую жизнь с упорством, решимостью и целеустремленностью, которые могли быть у выживших после такого травмирующего опыта».⁵⁰

⁴⁵ См.: Cuthbertson G. *Peace At Last: A Portrait of Armistice Day, 11 November 1918*. New Haven, 2018.

⁴⁶ См.: Heathorn S. *Op. cit.* P. 1109.

⁴⁷ См.: Heathorn S. *Op. cit.* P. 1109; Watson J. *Op. cit.* P. 3; Isherwood I. A. *Remembering the Great War. Writing and publishing the experiences of World War I*. London; New York, 2017. P. 9.

⁴⁸ Heathorn S. *Op. cit.* P. 1111.

⁴⁹ См.: War and the Humanities. The Cultural Impact of the First World War. Series War (Hi) Stories. Paderborn, 2019. Vol. 2.; War and Memorials. The Age of Nationalism and the Great War. Series War (Hi) Stories. Paderborn, 2019. Vol. 3.

⁵⁰ Arthur M. *We will remember them: voices from the aftermath of the Great War*. London, 2009. P. XI.

Новым явлением последних двадцати лет стала дискуссия, инициированная возрастающим числом так называемых ревизионистских историков, которые поставили под сомнение прежние выводы, касающиеся характера британской памяти о войне. Они выступили против представлений о том, что в памяти о войне преобладали образы трагедии, бессмысленности и бесполезности. Для ревизионистов характерен более «исторический» взгляд на проблемы памяти, стремление рассматривать их в конкретном контексте, напоминание о том, что, несмотря на огромные издержки и жертвы, эта война была также моментом величайшей военной победы Великобритании.⁵¹

В современных исследованиях брошен вызов представлению о «разочарованных британских военных писателях» 1920–1930-х гг. Работы Б. Бонда, Х. Сесила, Я. Ашвуда и других показывают, что литературный рынок состоял далеко не только из книг «разочарованных», что патриотические книги, как и в период самой войны, оставались популярными.⁵² Г. Шеффилд утверждает, что произведения о войне были полны романтики и патриотизма, но затем под влиянием разочарований послевоенной жизни «эмоциональная плотина прорвалась» хотя многие ветераны всю свою жизнь продолжали гордиться военным прошлым.⁵³ Я. Ашвуд, исследовавший феномен британской военной книги и издательской индустрии межвоенного периода, в своем труде также ставит под сомнение выводы предшественников о господстве литературы «разочарованных комбатантов» и созданного ими «мифа о войне».⁵⁴

Б. Бонд в качестве редактора выпустил сборник статей по историографии войны под названием «Первая мировая война и британская военная история». Это был «главный залп» против широко распространенного понимания войны: во введении Бонд признал, что основным стимулом для проекта была неудовлетворенность влиянием книги П. Фассела «Великая война и современная память».⁵⁵ Антивоенные настроения в 1960-х гг., говорилось

в одной из статей сборника, навязали обществу видение Великой войны как символа зла всех войн и превратили ее историю в моральное послание.⁵⁶ Представления о войне, как подчеркивает С. Хиторн, не смогли избежать влияния мощных мифов, которые провозглашали миротворцы 1960-х гг. и литературные критики 1970-х гг.⁵⁷

Один из ведущих представителей молодого поколения историков Д. Тодман в монографии «Великая война: миф и память» подчеркивает прежде всего амбивалентность результатов длительного и противоречивого процесса мемориализации событий войны. Он признает: большинство британцев разделяет убеждение, что Первая мировая война — это «было грязное, ужасающее, бесполезное бедствие, в котором поколение юных героев было бессмысленно принесено в жертву глупыми старцами. Эти убеждения настолько сильны, что могут пережить практически любое воздействие различных исторических интерпретаций, внутренних противоречий и частичных изменений». И все же сведение войны до изображений бесполезной грязи и боли упрощает ее многообразие и сложность. Война, помимо прочего, означала для разных людей в разное время дружеские отношения, общие цели, триумф и выживание, а также смерть, ужас и тщетность надежд.⁵⁸

Д. Тодман считает, что вопреки некоторым предыдущим интерпретациям, которые подчеркивали резкие изменения общественного мнения в 1930-е и 1960-е гг., было бы предпочтительнее рассматривать процесс формирования представлений о войне с точки зрения непрерывности: «Мифы о войне были искажениями, а не выдумками: они не оставались, а претерпевали процесс постоянных изменений, которые становились все более очевидными в определенные моменты. Ключевое изменение состояло не в отказе от “истинного” толкования войны, установленное в 1918 году и каким-то образом утраченного по пути, а скорее в процессе адаптации множества различных версий».⁵⁹ Автор убежден, что комплексный подход к оценке состояния памяти о войне поможет сохранить эмоциональную

⁵¹ См.: Heathorn S. Op. cit. P. 1104; Sheffield G. Op. cit.; Bond B. The Unquiet Western Front: Britain's Role in Literature and History. Cambridge, 2002.

⁵² См.: Bond B. Op. cit.; Isherwood I. A. Op. cit.; Heathorn S. Op. cit. P. 1113.

⁵³ См.: Sheffield G. Op. cit. P. 6.

⁵⁴ См.: Isherwood I. A. Op. cit.

⁵⁵ The First World War and British military history. New York, 1991. P. 1.

⁵⁶ См.: Danchev A. 'Bunking and debunking' // The First World War. P. 263–288.

⁵⁷ См.: Heathorn S. Op. cit. P. 1118.

⁵⁸ См.: Todman D. The First World War in contemporary British popular culture // Untold war: new perspectives in First World War studies. Leiden, 2008. P. 418.

⁵⁹ Todman D. The Great War: Myth and Memory. London, 2005. P. 29.

связь с войной и тем самым продлить ее в британской популярной культуре.

Борьба конкурирующих вариантов памяти и дискуссии вокруг наследия Великой войны стали особенно активными в период 100-летнего юбилея ее событий. В Великобритании, как и в других странах, вступили в противоречие официальные и неофициальные версии коллективной памяти и истории, вызвавшие профессиональные и общественные дебаты.⁶⁰ В период 100-летнего юбилея, ознаменованного реализацией в 2014–2018 гг. ряда коммеморативных проектов,⁶¹ проявилось стремление британского правительства утвердить и продвинуть национальный дискурс памяти о войне, что вызвало критику со стороны академического сообщества.⁶² Одновременно наблюдалась и противоположная тенденция: был пересмотрен вклад в борьбу жителей доминионов и колоний, было создано много проектов, освещающих роль азиатских и африканских стран и народов в годы Первой мировой войны. Все это способствовало переосмыслению прежних концепций, более глобальному и масштабному взгляду на войну.⁶³ Значимую роль в осмыслении культурного наследия войны сыграла реализация крупного международного научного проекта — Международной онлайн-энциклопедии Первой мировой войны 1914–1918 гг., созданной в октябре 2014 г.⁶⁴ совместными усилиями исследователей из более чем 50 стран.

В последнее десятилетие (в том числе в связи со столетним Юбилеем войны) в полной мере проявился «цифровой поворот» в способах коммемораций и трансляции знания. Сети, сайты, посвященные Великой войне, отражают интерес современного общества к переосмыслению ее опыта, значения для судеб мира, антропологическому измерению, персональным историям. Среди них — каталог из более чем 600 тысяч предметов (самолеты, оружие, интервью, музыка, плакаты, письма и многое другое) из коллекций Имперского военного музея.

При этом 90 тысяч его объектов имеют оцифрованные изображения, звук или видео.⁶⁵ Важным фактором, способствующим сохранению, актуализации и осмыслению материального и культурного наследия Великой войны, стало создание ресурса аудиовизуальных материалов национальной вещательной корпорации ВВС, посвященных Первой мировой войне.⁶⁶ Другой уникальный источник свидетельств о войне — веб-сайт Оксфордского университета, посвященный ее столетию, содержащий коллекцию учебных материалов: статей, изображений, интерактивных карт, аудио- и видеолекций, электронных книг. Он использует междисциплинарные подходы и темы для изучения культурного, социального, географического и исторического контекста войны.⁶⁷

Все это свидетельствует о расширении арсенала способов мемориализации и горизонтов понимания наследия Великой войны, о воплощении в ее массовых репрезентациях антропологического, мемориального, компаративного историографических поворотов, явно проявившихся в современной англоязычной историографии.

Острота и дискуссионность целого ряда проблем культурной истории Великой войны, расходящиеся оценки характера британской коллективной памяти о войне и самого ее смысла позволяют заключить, что в историографии происходит перманентный процесс переопределения наследия войны. Можно согласиться с мнением С. Хиторна, что исследование британской памяти о войне пока еще в значительной степени находится в процессе разработки.⁶⁸ Осуждающий тон группы ревизионистов, пишет Хиторн, вызывает беспокойство, так как их аргументы формулируются с использованием риторики несправедливости. Они считают, что поскольку в британском обществе распространен взгляд на Великую войну как на «ужасную ошибку», то это оскорбляет память тех, кто сражался, что необходимо «восстановить британскую воинскую честь» применительно к Великой войне.⁶⁹ Ревизионистские военные истории, по мнению автора,

⁶⁰ См.: Mycock A. The First World War Centenary in the UK: "A Truly National Commemoration"? // Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth. 2014. Vol. 103, № 2. P. 153–163.

⁶¹ См.: Голубинов Я. А. Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М.; СПб., 2019. Вып. 2. С. 69–72.

⁶² См.: Там же.

⁶³ См.: Там же. С. 70, 74.

⁶⁴ См.: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <http://www.1914-1918-online.net> (дата обращения: 25.12.2020).

⁶⁵ См.: Imperial War Museum. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/search> (дата обращения: 23.10.2020).

⁶⁶ См.: BBC World War One. URL: <http://www.bbc.co.uk/history/worldwars/wwone/> (дата обращения: 25.12.2020).

⁶⁷ См.: World War I Centenary: Continuations and Beginnings. URL: <http://ww1centenary.oucs.ox.ac.uk/> (дата обращения: 25.12.2020).

⁶⁸ См.: Heathorn S. Op. cit. P. 1104.

⁶⁹ См.: Ibid. P. 1119.

слишком легко сбрасывают со счетов долгосрочное влияние разнообразной культуры памяти на восприятие войны и отношение к ней.⁷⁰ К этому справедливому замечанию можно добавить, что ревизионисты отдают предпочтение национальному дискурсу памяти, иг-

норируя его другие измерения и достижения в их изучении, что является симптомами «борьбы за память», роста национализма и «жажды идентичности», наблюдаемыми в разных частях современного мира и характерными для Новейшего времени.

Nikolai N. Baranov

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail baranov61@mail.ru

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: porshneva@yandex.ru

THE CULTURAL HERITAGE AND THE MEMORY OF THE GREAT WAR IN GREAT BRITAIN. CONTEMPORARY ANGLO-SAXON HISTORIOGRAPHY

The First World War is called “Great” only among the British. This circumstance underlines its enduring importance for British spiritual, political and everyday culture. The conceptualization of historical events as an act of forming cultural memory, a form of presenting a significant past and its cultural heritage is considered in this article on the basis of the methodology of memory studies and heritage studies, its new direction — critical heritage studies. Within the framework of the latter, cultural heritage is interpreted as a process of permanent rethinking and redefinition of the cultural values of the past, which includes various social actors. The influential participants in this process are researchers: culturologists, historians, literary scholars, sociologists, who not only influence collective ideas about the events of the past, but also interpret their contemporary significance. Accordingly, from a huge number of works devoted to the Great War memorialization the authors of the article focus on those that consider the interaction of various forms of memory and their influence on the evolution of the collective memory of the British; they are created in the mainstream of the historical science of culture and distinguished by a pronounced historical and anthropological approach. The article identifies several conceptual approaches in the development of the problems of the cultural heritage and the memory of the war, analyzes the achievements in a comparative study of the image of war and its evolution in the cultural memory of the British, in studying the interaction of the official and popular, collective and individual forms of war memory, general and specific features of the British and foreign traditions of memory about the First World War. It also interprets the significance of the revisionist historiography in changing the notions of the Great War heritage.

Keywords: *Great Britain, First World War, historiography, historical memory, cultural heritage*

REFERENCES

- Arthur M. *We will remember them: voices from the aftermath of the Great War*. London: Orion, 2009. (in English).
- Berger Sh. *Idei v istorii, filosofii i religii: istoricheskie nauki i aktivizatsiia pamiati v XX v.* [Ideas in History, Philosophy and Religion: the Historical Sciences and Memory Activism in the 20th Century]. TEMPUS ET MEMORIA [Tempus et Memoria], 2020, vol. 1, no. 1–2, pp. 8–24. (in Russ.)
- Bond B. *The Unquiet Western Font: Britain's Role in Literature and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. (in English).
- Borg A. *War Memorials from Antiquity to the Present*. London: Leo Cooper, 1991. (in English).
- British Popular Culture and the First World War*. Leiden; Boston: Brill, 2008. (in English).
- Bushaway B. *By Rite: Custom, Ceremony and Community in England 1700–1880*. London: Breviary Stuff Publications, 2011. (in English).
- Connelly M. *The Great War: Memory and Ritual Commemoration in the City and East London, 1916–1939*. Rochester, New York: Boydell, 2002. (in English).

⁷⁰ См.: Ibid. P. 1121.

- Cuthbertson G. *Peace at Last: A Portrait of Armistice Day, 11 November 1918*. New Haven: Yale University Press, 2018. (in English).
- Damousi J. *The Labour of Loss: Mourning, Memory and Wartime Bereavement in Australia*. Oxford: Oxford University Press, 1999. (in English).
- Danchev A. 'Bunking' and debunking: The Controversies of the 1960s. *The First World War and British military history*. New York: Oxford University Press, 1991, pp. 263–288. (in English).
- Donaldson P. *Ritual and Remembrance: the Memorialisation of the Great War in East Kent*. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2006. (in English).
- Eksteins M. *Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age*. London; New York; Toronto; Sydney; Auckland: Houghton Mifflin Harcourt, 1989. (in English).
- Fassell P. *Velikaia voina i sovremennaiia pamiat'* [The Great War and Modern Memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015. (in Russ.).
- Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. London: Oxford University Press, 1975. (in English).
- Gaffney A. *Aftermath: remembering the Great War in Wales*. Cardiff: University of Wales Press, 1998. (in English).
- Golubinov Ya. A. [World War I Centenary in Great Britain and Studying the Conflict in Kingdom Schools]. *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 69–72. (in Russ.).
- Heathorn S. The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War. *The Historical Journal*, 2005, no. 48 (4), pp. 1103–1124. (in English).
- History and Memory in Modern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. (in English).
- Hynes S. *A War Imagined: The First World War and English Culture*. London: Bodley Head, 1990. (in English).
- Inglis K. *Sacred Places: War Memorials in the Australian landscape*. Melbourne: Melbourne University Publishing, 2008. (in English).
- Isherwood I. A. *Remembering the Great War. Writing and publishing the experiences of World War I*. London; New York: I. B. Tauris, 2017. (in English).
- Jeffrey K. *Ireland and the Great War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. (in English).
- Khmelevskaia Yu. Yu. *Velikaia voina: angliiskii natsional'nyi kharakter i sotsial'no-psikhologicheskii opyt britanskoi armii, 1914–1918 gg.: Avtoref. kand. diss.* [The Great War: English National Character and the Social and Psychological Experience of the British Army, 1914–1918: Abst. Diss. Cand.]. Perm, 2000. (in Russ.).
- Kimball Ch. *The Ex-Service Movement in England and Wales, 1916–1930: PhD Diss.* Stanford University, 1990. (in English).
- King A. *Memorials of the Great War in Britain: the Symbolism and Politics of Remembrance*. Oxford: Berg, 1998. (in English).
- King A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939: PhD Diss.* University of London, 1993. (in English).
- Leed E. J. *No Man's Land. Combat and Identity in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. (in English).
- Lennon J., Foley M. *Dark Tourism: The Attraction of Death and Disaster*. London: Cengage, 2007. (in English).
- Lloyd D. *Battlefield Tourism: Pilgrimage and the Commemoration of the Great War in Britain, Australia and Canada, 1919–1939*. Oxford: Berg, 1998. (in English).
- Moorhouse G. *Hell's Foundations: A Town, Its Myths and Gallipoli*. London: Hodder & Stoughton, 1992. (in English).
- Moriarty C. Christian Iconography and First World War Memorials. *Imperial War Museum Review*, 1991, no. 6, pp. 63–75. (in English).
- Moriarty C. Private Grief and Public Remembrance: British First World War Memorials. *War and Memory in the Twentieth Century*. Oxford: Berg, 1997, pp. 125–142. (in English).
- Mosse G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford: Oxford University Press, 1990. (in English).

- Mycock A. The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? *Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth*, 2014, vol. 103, no. 2, pp. 153–163. (in English).
- Robb G. *British culture and the First World War*. New York: Palgrave, 2002. (in English).
- Sheffield G. *Forgotten Victory: the First World War: Myths and Realities*. London: Headline Review, 2001. (in English).
- Smirnova I. V. *Moral'no-psikhologicheskoe sostoianie britanskikh soldat na Zapadnom fronte v 1914–1918 gg.: Avtoref. kand. diss.* [The moral and psychological state of British soldiers on the Western Front in 1914–1918: Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2011. (in Russ.).
- Sturken M. *Tourists of History: Memory, Kitsch, and Consumerism from Oklahoma City to Ground Zero*. Durham, N.C.: Duke University Press, 2007. (in English).
- Switzer C. *Unionists and Great War Commemoration in the North of Ireland, 1914–1939: People, Places and Politics*. Dublin: Irish Academic Press, 2007. (in English).
- The First World War and British military history*. New York: Oxford University Press, 1991. (in English).
- Thomson A. *ANZAC Memories: Living with the Legend*. Oxford: Oxford University Press, 1994. (in English).
- Todman D. The First World War in contemporary British popular culture. *Untold war: new perspectives in First World War studies*. Leiden: Brill, 2008, pp. 417–442. (in English).
- Todman D. *The Great War: Myth and Memory*. London: Hambledon, 2005. (in English).
- Vance J. *Death so Noble: Memory, Meaning and the First World War*. Vancouver: UBC Press, 1997. (in English).
- War and Memorials. The Age of Nationalism and the Great War*. Paderborn: Schöningh, 2019, vol. 3. (in English).
- War and the Humanities. The Cultural Impact of the First World War*. Paderborn: Schöningh, 2019, vol. 2. (in English).
- Watson J. *Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. (in English).
- West B. Dialogical Memorialization, International Travel and the Public Sphere: A Cultural Sociology of Commemoration and Tourism at the First World War Gallipoli Battlefields. *Tourist Studies*, 2010, no. 10 (3), pp. 209–225. (in English).
- Whalen R. W. *Bitter Wounds. German Victims of the Great War, 1914–1939*. London: Cornell University Press, 1984. (in English).
- Winter J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven; London: Yale University Press, 2006. (in English).
- Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (in English).